

Елена Александровна Асеева

Последний

Елена Асеева

Последний

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

Последний / Е. А. Асеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907050-0

Порой ты не столько думаешь, сколько чувствуешь... И тогда на лист бумаги ложится повесть или рассказ, в котором заключена часть твоих размышлений, часть переживаний, а возможно и часть твоей души! Книга «Последний» включает в себя не только одноименную, фантастическую повесть, но и философское раздумье, настроение последних лет автора.

ISBN 978-5-44-907050-0

© Асеева Е. А.
© Издательские решения

Содержание

Последний	6
Глава первая. Папа	6
Глава вторая. Сашка	11
Глава третья. Рекс	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Последний

Елена Александровна Асеева

© Елена Александровна Асеева, 2018

ISBN 978-5-4490-7050-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последний

Глава первая. Папа

Все началось, как в тех дурацких фантастических кинофильмах, которые многие годы крутили нам с экранов телевизоров и в кинотеатрах, точно подготавливая. А может всего только человеческому обществу присуще нагнетание напряжения, поиски не самих причин и их решения, а резкое рубящее действие... Как к примеру вторжение инопланетян или война, межнациональные конфликты, кровопролитие, в итоговом своем состоянии дающее гибель людей, голод, слезы, обездоленность.

Может никто и не подготавливал...

Просто сами люди делали все... Создавали, так сказать, почву к собственному вырождению, к собственной гибели... Высеивая разврат, пожирая вольнодумие, стирая границы между первым и вторым, а потом внедряя рабское, извращенное понимание счастья, которое наполняло лишь материальное благополучие, неуемная жажда наживы и вечный поиск чего бы еще сожрать, уничтожить, переработать.

Может никто и не подготавливал... и даже о том не помышлял.

Просто властьдержащие потворствовали своим и нашим противоестественным, а может даже и болезненным отклонениям, демонстрируя перед нами яркие картинки льющейся крови, воспроизводя для нас резкие, короткие звуки выстрелов и насыщая нас кисло-смердным запахом гниения.

Они вторглись ночью...

Относительно той страны, местности, где я жил... сразу лишив нас электричества, связи, Интернета, остановив движение всех часов, приборов, механизмов и даже обесточив двигатели автомашин.

Поэтому мы и не знали, что происходило в других местностях, странах, континентах.

Мы не слышали об том вторжении с экранов телевизоров, из мобильных телефонов, по радио... Мы это лишь увидели, когда поутру вышли из домов и квартир.

А увидев, замерли... уставившись в небо...

Этот момент я помню очень хорошо, он точно всплеск события застыл в моем мозгу... И даже сейчас, закрывая глаза, я продолжаю видеть серо-голубые небеса, только местами прикрытые белыми дырявыми полосами облаков, и висящие в них огромные космические аппараты, пожалуй, корабли. Их бутылковидные корпуса, какие-то полупрозрачно-голубые, напоминали собой по форме морских медуз. А тонкие, увенчанные воронками, щупальцы, выходящие из утолщенной части растянувшиеся во все стороны, едва шевелились. Так, что казалось, небо и океан поменялись местами, перевернувшись...

Помню, как лучи восходящего на небосклон солнца проходили сквозь корпуса кораблей и их щупальцы, ровно те не имели внутри себя ничего плотного, а были всего-навсего туманными сгустками или тенями.

Я помню царящую кругом тишину, когда молчали не только люди, птицы... Молчал вечно суетящийся город, живущий многообразием звуков: от криков детей, скрежета тормозов, до взвизгивающих сирен скорых и полиции. И в том относительном безмолвии слышался лишь далекий отрывистый лай собаки, вроде указывающий, что город пока жив, как и живы наполняющие его люди...

Папа тогда сказал, что инопланетяне к нам присматриваются, а может исследуют или готовятся нанести удар... В те дни слово «может» звучало очень часто из уст взрослых. Не только папы, но и соседей...

Это я тоже помню, как и помню наполненные ужасом лица людей...

Папа был, вообще, помешан на всяких заговорах, инопланетянах. Ковыряясь в Интернете он все время готовился к концу света, ждал падения метеорита, поголовной чипизации населения, вторжения пришельцев. Подозревая в тех заговорах правительственные организации, секты, всякие движения... И если меня это зачастую пугало, старшего брата, Сашку, раздражало.

Папа не всегда был таким бесноватым (так называл его Сашка), это с ним случилось после смерти мамы. Может он тогда, что-то почувствовал, понял или принял. Ну, как экстрасенс, что ли...

Это все тоже было из ряда «может»...

Впрочем, когда медузы инопланетян появились в небесах, Сашка взял все свои слова, про бесноватость, обратно, поэтому не стал спорить с папой. И на его предложение, как можно скорей убраться из города, ответил согласием. Я, конечно, ничего не ответил, потому что моего мнения не спрашивали.

Видимо, потому как моим мнением не поинтересовались, я не очень запомнил сами сборы и наш уход из дома. Как-то отчасти в памяти сохранились картинки города: практически полностью опустевшие улицы (ровно люди на радостях решили отлежаться в домах), да стоящие на них то там, то тут легковые машины, троллейбусы и автобусы. Сами улицы, как оказалось, патрулировали вооруженные наряды полиции и военных с собаками, впрочем, и тут на своих двоих, в лучшем случае конные подразделения. Местами работали небольшие частные продуктовые магазины, хотя все иные учреждения были закрыты. И на удивление в городе сохранялось определенное спокойствие и, пожалуй, даже порядок. Очевидно, стоящие в его управлении люди, что-то знали, а может (опять это может) всего только надеялись на что-то. Как к примеру, что инопланетяне вскоре спустятся и наладят с землянами, в частности с ними, дружественные отношения.

Теперь я вновь плохо помню...

Так иногда бывает, особенно у детей... В их памяти сохраняется лишь яркое, интересное событие, а серость, обыденность и трудность напрочь смыкается плотным туманом. Поэтому я даже не запомнил сколько дней мы шли, в каком направлении, карабкаясь по склонам гор, разводя под ногами апрельскую грязь, выходя на тропы и точно дикие звери путая следы идущего в след нас охотника.

Память избирательна...

Иногда она скрывает целые пласты нашей жизни, покрывает маревом забвения те или иные фрагменты. И, одновременно, оставляет ярким всплеском какое-то малозначимое событие, одиночный факт или эпизод который ты бы и сам не сильно хотел вспоминать.

Из всего нашего похода я почему-то запомнил довольное выражение морды своего пса, Рекса. Его треугольные и высоко расположенные на голове уши, с закругленными кончиками, слегка вздрагивающие от волнения. Высунутый из пасти розовый язык, словно взбивающий в пенистые комочки слюну на нижней губе. И безостановочно мотыляющийся туда-сюда, хорошо опушенный и развивающийся, как перо, хвост, может желающий помочь своему обладателю взлететь. Выбравшийся с хозяевами из города, Рекс (в отличие от нас) находил в самом путешествии радость, не только выказывая ее собственным счастливым видом, но и громким лаем на все то, что встречалось в лесу, будь ли то птица на ветке или поскрипывающая высохшая листва на земле.

Папа привел нас к заброшенной лачуге. Пояснив, что ее соорудил неизвестно кто и, определенно, неизвестно когда, может для жизни, а может для чего-то иного. И так как хозяина лачуги не имелось, в ней почасту останавливались охотники да туристы, приспособившие ее для своих нужд. Это был небольшой сруб, с малюсенькими сенцами и такими же крошечными двумя комнатками. Точнее даже одной, разделенной внутренней перегородкой на два помеще-

ния, где в центральной комнате находился всего только срубленный стол и лавка возле стены. А во второй, приподнятый дощатый помост на котором мы спали, укрываясь всей одеждой какая у нас имелась.

Лачуга не отапливалась, поэтому ночами в ней было жутко холодно... Так холодно, что папа разрешал ложиться со мной Рексу. Его густая, не длинная шерсть невозможно, как сильно воняла... спертостью кислого пота, потому я засыпал только когда поворачивался к нему спиной. Но и тогда ощущал ту разъедающую глаза едкость. Впрочем, я с этим мирился, так как Рекс походил на грелку и нагревал, кажется, мне не только спину, но и руки, ноги, голову.

Лачуга располагалась на склоне горы, подпирая одной стеной мощную пихту с пирамидальной кроной. Горизонтально расположенные ветви которой прикрывали и сам сруб, и подход к нему, точно пряча его от чуждых глаз.

И опять я не помню, ни сам приход в лачугу, ни первое время проведенное на новом месте. Однако я хорошо запомнил третью или четвертую ночь. Ту самую ночь, когда до этого неподвижно висящие в небе медузы, космические корабли инопланетян, принялись танцевать свои чумные плясы.

Мы тогда проснулись от жуткой боли в ушах, свистело, пожалуй, все кругом и даже взвизгивал Рекс, забившись под стол, не желая оттуда выходить. На дворе, куда мы поспешили втроем, скрипящий, резкий звук усилился, потому нам пришлось заткнуть уши ватой, как можно плотней, натянуть как можно ниже шапки, прикрыть их сверху ладонями. А в фиолетово-синей бархатистости небосвода, посеребренные медузы, точно перенявшие этот цвет от сияния звезд, медленно кружили по кругу, наблюдаемо выпуская вниз, из собственных щупалец, белые плотные потоки света.

Они и в последующие три дня все вертелись в небе, не только ночью, но и днем, озаряя его с всех сторон горизонта насыщенно белыми пазорями. А давящее состояние в голове ощутимо сводило с ума, отчего хотелось кричать или выть. Из-за испытываемой боли я терял понимание происходящего и времени, а папа и брат, обмотав сверху свои головы и мою полотенцами, молча постанывая, лежали внутри лачуги, лишь редкостью поднимаясь, чтобы напоить меня или накормить. Когда давление на голову снизилось, а светодвижение медуз прекратилось и сами они покинули небеса, точно их никогда и не появлялось, вокруг наступила тишина. И это была пугающая тишина, будто на Земле не осталось не только людей, зверей, птиц, но даже растений, ветра... Кажется, и он боялся заявить о себе, дабы его не уничтожили.

Тишина длилась долго... И весь тот срок весенний и разгульный, в нашей местности, ветер скрывался. Лишь иногда, да и то в густой, черной ночи он колыхал малахитовой листвой на ветвях деревьев или едва перебирал вытянувшимися и уже изумрудными травами. Само безмолвие и бездвижие длилось не больше двух-трех недель, в которых с папой стало происходить, что-то очень странное. Папа стал не понимать наши вопросы, рассеяно смотреть, очевидно, потеряв слух, впрочем, как и мы... Уходя поутру из лачуги, он взбирался на ближайший склон горы и там залезая на дерево, весь день через бинокль наблюдал за долиной, где лежал наш город. А когда возвращался вечером домой, зачастую разговаривал, спорил сам с собой, и сама речь его была то ускоренной, то медленной, потому смысл сказанного становился непонятен. Он повторял, шептал одни и те же слова, путал наши с Сашкой имена, и практически не спал, в темноте прохаживаясь от двери до стены, взмахивая руками и ощупывая столешницу, лавку, стены, словно в поисках чего-то. Все эти дни мы с Сашкой практически не поднимались с лежака, будучи какими-то опустошенными, ослабленными, не в состоянии справиться с собственными мыслями, руками и даже ногами, а потому подолгу спящими, не только ночами, но и днем.

Может поэтому не обращали внимания на папу, редко о чем его спрашивали, мало чем интересовались. Мы приходили в себя постепенно, набираясь сил, начиная слышать все лучше и лучше. Папе однако лучше не становилось. Он так похудел за это время, наверно, потому

как перестал есть, вроде забыв о том. Вещи на нем висели какими-то дранными ключьями, а взгляд стал безумно-испуганным... Всегда чистюля, аккуратист, папа превратился в какого-то оборванца, и ходил почему-то босиком, видимо, потеряв где-то обувь.

Правда, он порой еще рассуждал здраво, говоря, что пришельцы применили акустическое оружие. Очевидно, настроенное только на мозг или слух людей, оно вызывало у животных лишь неприятные ощущения, не более того. Однако низкочастотный звук высокой интенсивности, который до нас долетел отголоском, скорее всего, действовал на все органы человека, вызывая разнообразные повреждения, в итоге приводившие к смерти.

Сашка все пытался его образумить, удержать, но папа уходил из лачуги все чаще и, кажется, дальше, возвращаясь под утро, а то и вовсе через несколько дней.

А когда в небосводе появились иные корабли пришельцев, ушел и не вернулся.

Память избирательна...

Я не помню, что происходило с папой перед его уходом навсегда. Не помню его лица, сгорбившейся фигуры, посеребренных волос... Впрочем, очень четко вижу фрагмент ухода из жизни мамы. Она умирала от рака, выписанная из больницы, без права на какой-либо шанс, помощь врачей, реабилитацию. Папа тогда сказал Сашке: «Врачи предупредили меня, что это последняя стадия саркомы, и они ей не могут ни чем помочь. Они не знают когда это произойдет, но то что она умрет в ближайшее время, точно. Может это вопрос месяца не более того».

Может...

Опять это «может».

Ровно нам было важно в месяц уйдет из жизни наш близкий или его мучения продлятся дольше.

В последний свой день, мама еще говорила. Хотя также непонятно, неясно, то быстро, то медленно, перескакивая с мысли на мысль, почасту повторяя одни и те же слова, тем пугая меня. И глядя в упор на брата или меня, почему-то путаясь, звала свою маму, что-то у нее напоследок прося. Я помню не только исхудавшее, пожелтевшее лицо мамы, ее зеленые глаза затянутые белой дымкой болезни. Я до сих пор вижу ее посеревшие, потрескавшиеся от мучений губы, чуть шевелящиеся в обращении к тому, кого уже и не было в живых.

Я помню последующий день, осознание, что никогда ее не увижу... Помню горечь своих слез, которые я собирал ладонями, точно сдирая с кожи щек. Желая растворить в них свою боль и безысходность.

То ли потому как папу мне не удалось увидеть мертвым, я верил, думал и все последующее время, что он жив, лишь похищен инопланетянами, которые теперь перемещались на сигарообразных аппаратах. Длинные, изогнуто-подвижные эти корабли, казалось, были собраны из стеклянных цилиндрических блоков, схваченных между собой широкими сине-голубыми поперечинами. Острые носы, которых изгибаясь относительно самих корпусов отвесно вниз, когда те зависали, покачивались вправо-влево так, что чудилось еще немного и они отвалившись, шлепнутся на землю. В сиянии солнечных лучей и сами корпуса, и их покачивающиеся носы, пылали огненными всполохами, а в ночи, наоборот, мерцали насыщенно голубым светом, как и переливались перламутровым их стеклянные блоки.

Эти суда, которым мы с Сашкой дали название змеи, появлялись внезапно и всегда бесшумно скользили в небе, спускаясь вниз к самим кронам деревьев, зависая в широких долинах над горными реками, демонстрируя собственную быстроту, легкость при перемещении и внушительные размеры.

Вместе с этими змеями, там внизу в долине, где лежал наш город, вновь появился шум, который создавали огромные машины напоминающие наши экскаваторы только в десятки раз их превышающие, а может даже и в сотни. Их мы сумели разглядеть через бинокль, который в своих пустых бродениях обронил папа, и подобрал брат. Первый раз мы с Сашкой их увидели взобравшись на самый высокий и так сказать ближайший к нам хребет, густо поросший

дубами, грабом, буками и даже пихтой. Одним своим краем он, степенно набирая в высоте, где-то в удалении вклинивался в небосвод скалистыми серыми башенками, издали напоминающая удивительный русский терем. Впрочем, с долиной, что соседствовала с нашей лачугой, этот хребет граничил именно лесистой своей частью. Сашка тогда выбрал самый крайний из дубов, необъятный в объёме и такой высокий, вытеснивший под собой даже малую поросль, чьи изогнутые, наподобие корней, мощные ветви захватили, пожалуй, часть склона, не просто вытягиваясь вверх, в стороны, но и подпирая саму землю, а может всего только за нее придерживаясь. В мае месяце, покрытые жесткой, темно-зеленой листвой, его ветви плотно обвивали какие-то плетущиеся растения, также взбирающиеся по стволу, создающие на них точно плотные покрывала.

Брат залез на самую верхнюю ветку того дуба, балансируя на ней одной ногой, придерживаясь лишь левой рукой за ствол и слегка покачиваясь вниз-вверх. Он долго вглядывался в долину, где когда-то лежал наш город, а когда спустился ко мне, только тягостно качнул головой. В его карих глазах, чуть сбрызнутых сверху зелеными всплесками, стоял такой ужас, что я не решился его спрашивать... Сашка рассказал сам, позднее, очень коротко процедив, сквозь сомкнутые губы, что видел огромные машины которые перемалывали постройки, одновременно, вроде просеивая до состояния песка.

– Что просеивая? – не понимая брата, спросил я... Однако он не ответил.

Машины инопланетян гудели в долине долго, может с месяц, а может и более того.

Мы это не знали, да и перестав вести счет времени, за тем не следили. Точнее мы потеряли смену дней, недель и месяцев... Лишь отмечали для себя уход холода, наступление тепла, жары... Теперь мы все больше время уделяли тому, что стало простой необходимостью, а именно борьбой с голодом, так как принесенные запасы катастрофически быстро заканчивались.

Не умея толком ничего делать... Ничего не зная о том, как и что сажать, выращивать, мы с трудом выживали. Находясь в основном на подножном корму, пробуя есть травы, коренья, насекомых, мы голодали... А голодая, думали только о еде, вставая утром, проживая день, ложась спать и даже во сне. Так как и сны нам с братом снились одинаковые, о том как мы сидим в нашей квартире за столом уставленном тарелками, блюдами с едой, а через широкое окно в кухню вливаются, наполняя его светом и теплом, солнечные лучи.

Глава вторая. Сашка

Брат считал меня неженкой, сначала величая «маменькиным сынком» потом «папенькиным недотрогой». Будучи старше меня на пять лет, он всегда говорил со мной грубо, не редкостью поднимая на меня руку, осаживая злыми словами, надсмехаясь и тем, как полагал воспитывал во мне мужчину. Но когда папа, притащив нас в лачугу, пропал, Сашка изменился, не просто повзрослев как-то сразу, в один день, что ли... Но и поставив своей целью накормить, обезопасить меня...

Брат не только упорно искал нам пропитание, но и делал все, чтобы научиться выживать в сложившейся ситуации. Впрочем, не редкостью прячась от меня, Сашка горько плакал и поднимая вверх голову, словно там в небесах его могли услышать, сбивчиво шептал: «Папа, папа, что же ты наделал. Оставил нас. Бросил. Как же я теперь, как Максим. Ведь мы ничего, ничегошеньки не умеем. Ты говорил, учишься хорошо... И, что? Что теперь? Ни один предмет, ни алгебра, ни химия, ни история сейчас, когда мы оказались тут вдвоем нам не помогают выжить. Вся эта учеба оказалась пустой и никчемной потерей времени, не больше того».

Когда я случайно заставал его за теми взываниями, всегда торопливо опускался на присядки и замирал, не желая подать виду, что наблюдаю за ним. Осознавая, что брат приняв на себя заботы о нашем выживании, не зная и не умея это делать, очень сильно переживал, видимо, будучи не уверенным в собственных силах и возможностях.

Хотя Сашка старался... Зная не плохо биологию, он, все-таки, умел использовать те малые крохи знаний (как оказалось) для нашего выживания. Поэтому мы все время жевали цветки одуванчика, трилистника клевера. Ели молодые листья будры плющевидной, корни чеснока черешчатого, и варенные листья мокричника. А на остатках масла порой жарили зеленые, молодые листья подорожника, отваривали корни лопуха. И, конечно, в еду шло все, что двигалось и ползало, все, что плавало и, что удавалось поймать, найти Сашке. Были ли это яйца птиц, улитки, лягушки, земляные черви, которых мы в основном варили в кастрюле над костром, добавляя туда по горсти круп, а когда они закончились листья растений. Чай мы заваривали из хвои сосны или ели, для этого срывая молодые верхушки веточек. А ранки смазывали хвойной смолой – живицей. Может потому и не болели, столь долгий срок.

А может, что и было верней, в попытке выжить, просто не успевали трать время на такую роскошь, как болеть.

С середины лета в горах стали спеть ягоды: земляника, малина, смородина, а потом ежевика, кизил. К осени стали попадаться грибы, Сашка знал и в них толк, потому к нашему столу добавились жаренные на костре или в сковородке (правда, без масла) подосиновик, масленок, моховик. Вкус был так себе, но как говорится: «На безрыбье и рак рыба», потому мы были рады и этой еде.

Брат, за время нашего жития в горах, схуднул сильнее чем я, одежда на нем не больно чистая и местами прохудившаяся до дыр (которые мы штопали как могли) висела мешковито, точно то были не его спортивные штаны, футболка и олимпийка, а снятые с чужого плеча, во много раз его размеры превосходящие. Вещи и на мне также висели и, кажется, смотрелись более потертыми. Может потому как я лазил на деревья чаще чем Сашка, и все время слонялся возле ягодных кустов, оставляя там кусочки тканей.

Когда с деревьев полетели первые шафранного оттенка листья, а в долине, где раньше лежал наш город все замерло, и сами сигарообразные инопланетные корабли стали летать реже, брат решил сходить на разведку в ближайший хутор, расположенный в сутках ходу от нашей лачуге.

Он, почему-то был уверен, что папа в свой срок направился именно туда.

Он, почему-то был уверен, что люди там еще живут. И так как сам хутор затерян в горах, люди выжившие в нем смогут помочь и нам.

И он был убежден, что без помощи людей мы зиму не переживем.

Не переживем без отопления, еды, одежды...

Я помню, как долго брат пытался добиться от меня согласия на этот поход... И как я в свою очередь избегал того разговора.

Наша лачуга лепилась к склону горы, густо поросшему лесом, который в свою очередь плавно переходил в балку, где струилась небольшая речушка. Ее питали многочисленные родники, выбивающиеся особенно часто из смежной горы, наблюдаемо ниже по руслу реки словно пересекаясь с нашим хребтом. Эти места были изрыты вытянутыми балками, урочищами и горными массивами, не только с каменистыми уступами вершин, уже примеривших белые покрывала снегов, но и не менее скалистых каньонов с крутыми склонами, по дну которых текли извилистые, торопливые реки. Впрочем, в ближайшем наблюдении то, все-таки, были нагорья, где правили лесные дали и долины, окутанные зелеными мхами, кажется, заполонившие не только берега рек, скалистые выходы, стволы деревьев, но и саму почву. Лишь редкостью среди гор просматривались залысины, которые покинули деревья, оставив в обороне одни кустарники да травы.

Чаще всего, я слонялся либо на нашем склоне, где стояла лачуга, либо на соседнем. Сашка однако ходил дальше, как по самой балке, так и переходил ближайшие хребты, словно все время пребывал в поисках выживших людей. Иногда он уходил на день, хотя неизменно возвращался к вечеру. Я знал, что сразу за нашей горной грядой и следующей за ней соседней, в узком урочище, есть дорога. Та самая по которой когда-то нас сюда привел папа. Именно по этой дороге Сашка и хотел отправиться в ближайший хутор на разведку, пугая меня самим уходом и возможным очередным исчезновением в никуда.

Видимо, потому как я боялся того разговора, стараясь от него скрыться долгое время... Я запомнил его до мельчайшей детали... Так помнят, что-то очень важное, что невозможно забыть... Ярчайший всплеск воссоздающий не только сам разговор, но и запах, краски произошедшего момента.

Потому в памяти не просто всплывает, а, прямо-таки, в четкости воспроизводится слегка обьятая желтым цветом листва леса, и проникающие через ветви деревьев все еще золотые лучи солнца, подсвечивающие зелень травы так, что, кажется, и сами ее кончики на концах сияют побуревшими капельками. Пряный запах витает вокруг, очевидно, оставленный сорванной и смятой моими пальцами травы, и назойливо поет с ближайшей ветки какая-то птичка, выводя свое «цити-цити», в том растягивая последнюю букву. Брат стоит напротив меня, крепко удерживая за плечи. Его смуглая кожа словно переливается в сиянии света красноватым отблеском, вроде он ее перед разговором чем-то намазал, а скуластое лицо с квадратной челюстью, как и сам раздвоенный на кончике подбородок, покрытый вихрастой короткой щетиной, легонечко вздрагивает, особенно когда он перекатывает желваками. Пожалуй, и прямой нос Сашки с острым кончиком и тонкие губы чуть колеблются от волнения. Брат выше меня головы на три, он все еще широкоплеч, даже после пережитых невзгод, а руки его крепки и сильны, мне не вырваться, хотя я и пытаюсь, отворачиваю голову, закрываю глаза, едва сдерживаясь, чтобы не закричать, не заплакать.

– Максим, послушай меня братишка, – негромко говорит Сашка, и я слышу его сиплый, приглушенный голос... Охрипший не от болезни, а от волнения. – Надо, чтобы я сходил на хутор... Два-три дня не более того и я вернусь... Я уверен, что там есть люди... Да и, вообще, неизвестно, что случилось с людьми, может все живы, а мы сидим в этих горах, не зная о том.

– Живы? – голос мой в отличии от брата звучит высоко, слегка даже повизгивая, будто еще секунда и я сорвусь на крик. – Живы... – я открываю глаза и сразу упираюсь в Сашкины. Уголки глаз брата слегка приподняты, точно он удивлен чему-то, а карие с зелеными всплес-

ками радужки созерцаемо для меня перекачивают выпуклые с золотыми боками капли слез. – Тогда почему так тихо кругом, даже звери не падают о себе знать? Почему мы ни разу никого здесь не увидели, хотя здесь много троп? Почему не летают наши самолеты, лишь их змеи? Почему...

– Я не могу тебе ответить, – перебивает меня Сашка, не давая возможности выговориться, словно боясь моих вопросов, боясь моей реакции. – Ты же знаешь, не могу ответить ни на один вопрос... Пока не схожу на хутор, пока не увижу людей...

– Тогда я тебе отвечу, – сердито рычу я и начинаю трясти головой, от испытываемой боли, мгновенно меня ошпарившей при воспоминании о маме и папе. – Потому как в хуторе, как и в нашем городе нет ни припасов, ни людей! нет вообще ничего... – я сейчас сказал Сашке то о чем мы с ним молчали все это время, боясь признаться, пожалуй, даже самим себе. И в том оставляя возможность всему, что было до вторжения инопланетян пока существовать в наших мыслях и мечтаниях.

Брат вновь меня слегка встряхивает, кажется, и не поднимая, а только мотнув назад-вперед. Потому от того движения мои излияния мгновенно сворачиваются, как и перестает качаться голова, замирая в несколько наклоненном состоянии, словно я хотел уклониться от Сашки, да не успев, окаменел.

– Мы ничего толком не знаем, а потому не можем судить ни о чем, – очень тихо говорит брат, пожалуй, он даже шепчет. Я плохо его слышу, практически не воспринимаю дальнейшую речь, впрочем, отмечаю движение его губ, когда-то алых, сейчас бледно-розовых, иссеченных мельчайшими синими прожилками, с легким фиолетовым налетом по самой кромке.

– Ты слышишь меня, Макс? – спрашивает Сашка и слух мой как резко отключился, также моментально подключается, потому я несильно киваю. – Нам нужны люди. Без людей мы не выживем. Скоро зима, а в лачуге нет печки, как ее делать я не знаю. Да и сама лачуга не приспособлена, чтобы в ней зимовать, – брат вновь шепчет, а я замороженно смотрю на его шевелящиеся губы, – мы не сделали запасов еды на зиму, нам не чем рубить дрова, нам не во что одеться... То, что у нас есть из одежды, это рвань, тряпье. Мы замерзнем при первом ударе холодов, умрем с голода... Мы погибнем без людей.

Брат прав!

Я понимаю, что он прав.

Но я не в силах отпустить его, остаться тут одному, даже на сутки... Не говоря уже о двух-трех днях.

– Ты будешь не один, я оставлю с тобой Рекса, – теперь голос Сашки набирает силу, он уверен, что я соглашусь. Уверен, что разум возьмет верх над чувствами и страхом. – И спички... У нас закончились спички. Ты же видел, в пачке десять спичек, я посчитал сегодня утром, – завершает свои уговоры брат, теперь окончательно сломив мои страхи... Так как спичек и впрямь не осталось, а разводить огонь при помощи трения мы так и не научились. Это лишь в книгах, в фильмах крутые ребята с легкостью добывали огонь, при помощи стержня и трута, в жизни все оказалось сложнее. И не помогло нам в том терпение Сашки и его большое желание добыть огонь.

– Тогда давай я пойду с тобой, – используя последнюю попытку не отпустить брата предлагаю я и смотрю ему прямо в глаза, стараясь разобрать о чем он сейчас думает.

Сашка в ответ качает головой принимая на свои черные, длинные, изогнутые ресницы и вроде в удивлении приподнявшиеся тонкие брови золотые лучики света, просочившиеся сквозь его патлатые, давно немывтые и висящие слипшимися прядями темно-русые волосы. И также не согласно отзывается уже в слух, говоря уверенно и неодолимо, как может говорить человек мгновенно повзрослевший и с тем принявший на себя заботы о жизни:

– Это не разумно... Если на хуторе никого нет, если нет самого хутора, придется возвращаться и вылазка отнимет у тебя силы, ты порвешь и так разорванные кроссовки. Послушай

меня, Макс, я пойду один, осмотрюсь там... Если нет людей, но остались дома, вернусь за тобой и мы попробуем там перезимовать. Все же там есть топоры, пилы, молотки... Там можно будет хоть как-то... Хоть что-то... – голос брата здесь неуверенно колыхнется, он резко дергает меня к себе, прижимает к груди, договаривая, – я вернусь. Это вопрос двух-трех дней, не больше.

Его губы теперь вонзаются в мою макушку и застывают там, я чувствую как он тяжело дышит и роняет на мои волосы горячие капли слез. Глаза мои вновь закрыты, и из них также тяжело или только медленно сочатся вниз струи слез, только холодных... Или просто остывших.

Брат уходил рано утром, предварительно разбудив меня. Теперь память стала вновь избирательна, не оставив мне ничего кроме прощального фрагмента. И тогда я вижу замершую всего-навсего на пару секунд в проеме двери фигуру брата, чуть качнувшего мне головой.

– Закрой дверь, – говорит мне Сашка, – чтобы за мной следом не увязался Рекс.

Пес стоит около меня, слышимо повизгивая и легонечко дергая меня вперед, вслед падающего в туманных испарения брата. Этот туман густо оплел своими склизкими испарениями горные гряды, повис долгими лоскутами на ветках деревьев и словно заполз в лачугу пенным гребнем, оставив на полу капельки воды, когда Сашка резко закрыл дверь. И тем разграничил для меня понятие семьи и одиночества, понятие прошлого и настоящего. Дверные петли все еще стонали, когда я задвигал железную задвижку, а подле меня крутился, помахивая своим перистым хвостом и поскуливая Рекс. Я уперся лбом в деревянную поверхность двери и очень тихо сетуя, чтобы никто не услышал сказал:

– Сашка, не уходи... Останься, брат... Сашка, вернись!

Глава третья. Рекс

Я говорил эти слова и все последующие дни. Звал брат, всматривался в склоны гор, просил у неба. И хотя за это время мы привыкли с братом говорить вполголоса и никогда не кричать, устремляя взгляд вверх призывно выпрашивал у небесного свода Сашку обратно.

С ухода брата прошло семь дней... Как только за Сашкой закрылась дверь я стал вести счет времени, следил за сменой дня и ночи, отсчитывал минуты... торопил часы... Подгонял едва переваливающееся по голубому небу солнце и вроде застывшую в единой форме круглую луну. Брата я ждал особенно волнуясь впервые два-три дня, в последующие дни выскакивал из лачуги ночами при каждом шорохе, стуке, хрусте веток. Днем же я взбирался на соседний склон, залезал на дуб, тот самый с которого в свое время Сашка наблюдал за инопланетными машинами перемальывающими остатки нашей цивилизации, и цепляясь руками за верхнюю ветвь оглядывал пространство горных хребтов. В надежде увидеть брата, папу или хоть кого-нибудь... Сашка уходя в хутор, забрал с собой бинокль, потому я толком не мог ничего увидеть, кроме желтеющего пространства леса взбирающегося на горные склоны, захватывающего их вершины, подпирающего в долинах сами русла рек. Из глаз моих текли слезы, а иссохшие от ветра и утрат губы безостановочно шептали имя брата...

Впрочем, кроме топчущегося возле корней дерева Рекса кругом никого не наблюдалось... Конечно, лес был полон насекомых, птиц, зверья, он был полон звуков, запахов, только чужеродных, опасных для меня. Тех которые могли принести гибель в любой момент.

Не мудрено, что теперь я смотрел на Рекса, как на единственное родное мне существо, связывающее с семьей и минувшими днями. Кажется, из нашей семьи лишь собака не сильно пострадала от переезда из города в эту лачугу. Рекс не только постоянно околачивался возле нас с братом, выпрашивая и поедая все, что не успели съесть мы, но и сам охотился, в том оправдывая себя как хаски. Посему я не раз видел, как он ловил мышей, ящериц, и даже ежей. А добыв пищу, пес прятался за ближайшим стволом дерева, и торопливо поедал пойманное, не то, чтобы не желая делиться, но и злобно рыча, бросаясь на нас, если мы с Сашкой пытались к нему приблизиться. Таким образом, демонстрируя желания и возможность выжить вопреки всему, в том числе оспаривая мнение человека о собачьей преданности. И, очевидно, что отирался он около нас лишь по причине привычки и теплого лежака который мы ему предоставляли на ночь.

После ухода Сашки, Рекс почасту пропадал... Уходя от меня не просто на час или около того, а словно подыскивая новое место жительства, мог не появляться и целый день. Впрочем, как счастье, неизменно возвращался к вечеру. И тем спасал меня от полночного ужаса в темной, сырой, холодной лачуге, где ночами скрипела не только тесовая крыша, но и сами стены, а за ними и вовсе, что-то стонало, выло и гудело. Каждый раз я встречал Рекса горячими слезами, целовал его в морду, обнимая, прижимался к широкой груди, в том находя хотя бы на чуть-чуть умиротворение, точно в объятиях папы или брата. Пес вспять моей радости становился более холодным, сдержанным на чувства, меньше ластился и все чаще рычал на меня, особенно ночами, когда я от холода жался к нему, теперь и не замечая едкой кислой спертости которой отдавала его густая шерсть, может потому как сам теперь пах не лучше. Он практически не отзывался на мой зов, будучи занятым какими-то своими делами, и, кажется, стал забывать собственную кличку, порой не понятно на меня поглядывая, ровно на что-то уже ставшее чуждым ему.

Потому, когда прошло семь дней после ухода брата и я окончательно понял, что он не вернется... Пропад, как когда-то папа... А может умерев, как мама. Я решил отправиться на хутор, в понимании, что сам... Один... В горах... Не смогу... И не просто умру от голода, а сойду

с ума от горя и страха, когда Рекс вот так внезапно не пожелает вернуться на ночь, найдя себе новую семью или новый дом.

Для того, чтобы не потерять своего питомца и уйти на хутор вместе, я с утра одел ему на шею ошейник, прицепил поводок. Пес уже давно не ходил на поводке. Он и до этого не больно любил всякое сдерживание его свободы, а когда мы с ним покинули лачугу, дверь которой я едва успел закрыть, резко дернул меня вправо. Да с такой силой, не больно считаясь с моей слабостью и последними днями голодания, когда кроме ежевики и орехов, толком не удалось ничего съесть. Отчего я чуть было не свалился на спину, подскользнувшись на мокрой траве, да въехав в землю пятерней, едва удержавшись на ней, громко и сердито крикнул, стараясь совладать с собственным питомцем и призвать его к повинению:

– Рекс! Стоять! Стоять, черт ты лохматый! – теперь я, прямо-таки, ругнулся, чувствуя как тягостно дернулось и точно надорвалось у меня, что-то в районе поясницы, а пальцы вошедшие в склизкую грязь болезненно заныли от соударения с чем-то более твердым. Я торопливо дернул поводок на себя, стараясь прервать его какой-то одурелый бег вниз в направлении балки, осаживая на месте. Рекс срыву остановился, врубившись передними лапами в землю и поджимая задние, точно в попытке присесть. Его голова свершила круговое движение, очевидно, намереваясь избавиться, таким образом, от ошейника, а из открытой пасти с вывалившимся розовым языком послышался сразу свистящий хрип и рык, может он желал меня съесть и переварить, но пока не решался. Он теперь повернул голову и все еще тяжело дыша, иногда посвистывая, уставился на меня своими голубыми глазами, крупными и такими умными, словно вопрошая, чего мне надо от него.

Я медленно, дабы все же не свалиться, переместился на корточки, выудив руку из лужи, и лишь после поднявшись на ноги, вновь дернул на себя поводок, подтягивая к себе Рекса. Он пусть и не хотя, но переступая сразу четырьмя лапами назад, придвинулся вплотную к моим ногам, продолжая вопросительно зыркать на меня снизу вверх.

– Мы пойдем в хутор, за Сашкой, – все-таки, ответил я на его немой вопрос, принявшись вытирать о штанину испачканные в грязи ладонь и пальцы. Оглядывая напоследок и сам полого идущий вниз к балке склон и расположенный в трех шагах низкий сруб, с такой же выровненной досчатой крышей. Сейчас смотрящий на меня и вовсе маленьким оконцем с почерневшим от грязи окошком, приткнувшийся одной своей стеной к пирамидальной красавице пихте, ветви которой располагаясь параллельно земле слегка колыхали хвоей. Легчайший ветерок ощутимо наполненный волглой прохладой не просто покачивал деревья, он словно тянул за собой парные сгустки тумана и длинными струями нанизывал их на ветви, пухлыми клоками оставлял их на вершинах и сплетал с травами в удивительные дымчатые ленты. Серо-стальное небо, такое низкое, наполненное памороком роняло вниз, прямо на туманные испарения, мельчайшую морось, схожую с каплями слез, которые в последнее время не покидали моих глаз. И все кругом сейчас было таким же сумрачным, лес тихим, а река текущая внизу в балке еле-еле перекатывающей воды. И лишь желтая листва на деревьях, признак надвигающейся зимы, все пока перешептывалась сама с собой и тем давала понимания, что Земля... в понимании планеты ли, почвы ли продолжает свою медленную, а может и, наконец, спокойную жизнь... Рождаясь, проживая, угасая... Неизменно так.

Я глубоко вздохнув, ощутил эту влажность и жизнь леса, да неспешно развернувшись и дернув вслед себя поводок с Рексом направился вдоль лачуги, обходя ее по кругу и с тем выходя на тропу, что начиналась от самой пихты и вела строго на бугор. Это тропа была протоптана нашими с Сашкой ногами, и лапами Рекса, который по ней бегал не раз. Потому пес, торопливо обежав меня, направился первым по ней. Слегка подтягивая на себя поводок, порой его дергая, а иногда все же поддерживая меня на нем.

Несильно качнув плечами, я точно вздернул на них рюкзак, куда еще загодя положил свитер, спортивные штаны Сашки, немного фундука, корни чеснока черешчатого, то, что

удалось мне добыть и приготовить в последние дни. А кругом высокие деревья пирамидальной пихты с почти изумрудной хвоей, дуба, граба и гладкоствольные буки смыкали пространство неба, хороня меня в собственных покаях. Мощные стволы граба с гладкой, серой корой и густыми кронами которые нависали в небосводе на вроде шапок ушанок, свитых из тонких ветвей, все еще покачивали зеленой листвой. Вспять почти пожелтевшей она смотрелась на дубах притом легонечко постукивающей по бурым желудям, издавая едва слышимое цоканье, точно это соударялись пустые бокалы. Извилистые стволы дубов удерживали размашистую крону состоящую из таких же искривленных широких ветвей, почасту стряхивающих с себя вниз желуди. Лишенные ветвей, вплоть до основания кроны, стволы буков в обхвате не менее рослые, чем их собратья дубы, перебирающие такие же желто-зеленые листья, не менее жарко сбрасывали вниз коричневые, лощенные плоды. Буковые орешки, лежали под деревьями вперемешку с побуревшей листвой, где-то уже раскрывшись и являя белое, и, как я знал сладкое на вкус ядро. Их собирал Сашка и поджаривая, кормил меня, утверждая, что если того не сделать, можно получить тошноту и боли в желудке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.